

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ЭКСПОНЕНТ -LAC В ГЕРМАНСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ

Э. Т. Гутиева

Анализ дитематических древнегерманских антропонимов позволяет считать элемент *-lac* регулярным компонентом ономасиологического процесса. Мы предполагаем, что в образовании германских мужских имен собственных с подобным экспонентом в качестве словообразовательных элементов принимали участие нарицательные слова, являющиеся рефлексамии индоевропейского корня **loca-* 'люди, мир, человек' и, как следствие, когнатами рефлексов корня различных иранских языков, в том числе и осетинского *laeg / laeg* 'мужчина, муж'. Данное явление может быть рассмотрено в терминах генетического родства языков. Однако это может быть результатом контактов германоязычных и ираноязычных народов, проживавших на сопредельных территориях и связанных общностью исторических судеб в позднюю античность и раннее Средневековье. Пытаясь установить следы иранского влияния в рассматриваемом фрагменте германского ономастикона, мы рассматриваем это не только в терминах заимствования имен собственных. Речь может идти о проникновении нарицательных слов, которые со временем в системе языка-реципиента становились активными антропонимообразующими элементами наряду с автохтонными лексемами.

Ключевые слова: антропоним, этимон, заимствование, древнегерманский, сарматы, аланы, осетинский язык

The analysis of Old Germanic compound anthroponyms allows to regard element *-lac* as a regular component of the onomasiological process. We presume that the Germanic masculine proper names with this or similar exponent were generated with the help of the words, which are reflexes of the Indo-European root **loca-* meaning 'people, world, man' and, consequently, these words are cognates of the reflexes of this very root in different Iranian languages, as well as of the Ossetic *laeg / laeg* – 'man, husband'. This phenomenon can be interpreted in terms of genetic cognation of languages. However appearance of the Iranian roots can be accounted for by typological contacts of the peoples, who lived on contiguous territories and shared communal historical fates in the late antiquity and the early Middle Ages. Trying to set tracks of Iranian-Germanic interrelation in the investigated fragment of German onomastics, we attribute this not only to the borrowing of proper names. This could have been penetration of denominative words that in the course of time within the system of the recipient language became active elements alongside with indigenous lexemes.

Keywords: anthroponym, etymon, borrowing, Old Germanic, Sarmatians, Alans, the Ossetic language.

Древнегерманский ономастический материал составляет чрезвычайно информативную часть лексического фонда языков германской группы, важную для изучения их эволюционных процессов и культурно-исторического опыта их носителей.

Основным арифметическим действием германской системы имянаращения является сложение значимых элементов, сумма которых должна быть семантически прозрачной, выводимой с большой степенью очевидности из семантики слагае-

мых: **Erla-baldaz* от д.а. *eorl* 'воин, герой, правитель', и д.а. *beald* 'смелый', в результате – *Воин смелый. Обусловлено данное своеобразие и, как следствие, многообразие имен необходимостью генерировать большое количество имен, сопоставимых с числом членов социума. Дитематичность имен позволяла существенно расширять возможности вариативности при имянаречении. Это было имя-составление, а не присвоение какого-нибудь из именника / именованного.

Отмеченная особенность не являлась специфически германским явлением, а, скорее, служит признаком хроно-локальным и характеризует стадию развития общества, когда на вопрос А. Гардинера, существуют ли имена собственные, одновременно являющиеся нарицательными словами, ответ не может быть отрицательным [1, 17]. Разнообразие имен восходит к периоду, когда «наличие нескольких разных денотатов у имени собственного в принципе противоречит его природе (создавая существенные затруднения для коммуникации), тогда как наличие разных денотатов у нарицательного имени представляет собой, вообще говоря, нормальное явление» [2, 64].

Среди дитематических имен раннегерманского ономастикона некоторые обращают на себя внимание по признаку обладания специфическим звуковым комплексом и, как правило, неудовлетворительностью существующих для них реконструкций, признаваемой самими этимологами. Речь идет об антропонимах с элементом *-lac*, представленным несколькими фонетическими вариантами *-lac* / *-lec* / *-lag* / *-laug* / *-laugr*.

Мы полагаем, что в образовании германских мужских имен собственных с подобным экспонентом, возможно, как и в некоторых композитах, номинирующих человека, мужчин, людей, в качестве словообразовательных элементов принимали участие нарицательные слова, являющиеся рефлексамми индоевропейского корня **loca*- 'люди, мир, человек'. «Семантический диапазон корня в различных языках чрезвычайно широк и полагает существование

человека в любой арифметической степени: «человек, любой, все люди, мир вообще»» [3, 489]. Р.Л. Тернер в словарной статье *lōká* в словаре «A Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages» приводит список значений слова: мир, территория, люди, народ, этот мир, открытая площадка, племя, семья, место проживания, деревня возлюбленной [4, 647].

Данный корень широко представлен в индоиранских языках, тогда как в языках европейского ареала не отмечен. Нам представляется, что данное положение нуждается в уточнении: корень не отмечен в свободном словоупотреблении в языках европейского ареала, однако можно полагать его участие в качестве постпозитивного элемента в составе композитов. Корень **loca*- мог подвергнуться архаизации раньше других синонимичных ему лексем, номинирующих человека, мужчину.

Языки проявляли избирательность, не поддающуюся в настоящее время рациональному объяснению (социальный заказ, мода, моральный императив?), в удержании либо, напротив, в архаизации тех или иных корней, номинирующих человека. Единичные рефлексмы общеиндоевропейского **wi-ro-*, общегерманского **wer-az* и общеиндоевропейского **dhg'hāmo-*, **dhg'homo-*, германского **gumō* являются практически не опознаваемыми в составе сложных слов современного английского языка *world* и *bridegroom*. Восстановить их возможно в силу того, что стадия их архаизации в английском пришлась на письменный период, а также благодаря сравнению с когнатами в других германских языках.

Подобно данным корням архаизации, но в дописьменный период, мог подвергнуться и корень **loca*-. Он также в свою очередь мог «окаменеть» в композитах либо в антропонимах. Ведь антропонимы, по мнению Дж. Доналдсона, часто сохраняют формы, вышедшие из общего словоупотребления, и представляют собой живой словарь (a sort of living glossary) [5, 527].

Ретроспектировать имена с экспонентом *-lac* возможно через призму **loca*- в индоиранских языках, и в особенности благо-

даря *lazg-* 'мужчина, муж' в осетинском, в котором, в отличие от многих родственных ему языков европейского ареала, общее наследие сохранилось в качестве полноценной свободной лексической единицы, развившей деривационное гнездо.

При таком подходе возможны следующие альтернативные интерпретации:

1. сохранный в составе древнегерманских антропонимов данный экспонент является реликтом общего и.е. корня **loca-*, рефлекс которого представлены в целом ряде иранских языков и, в том числе, в современном осетинском языке;

2. либо могло иметь место прямое заимствование сармато-аланского антропонима в раннем средневековье в эпоху тесных контактов между носителями данных языков;

3. либо можно говорить о заимствовании сармато-аланского корня в германские языки с его последующей ассимиляцией, натурализацией и антропонимизацией в языке-реципиенте.

В пользу независимого сохранения корня – тезис о консервативности антропонимов (германцы – салические франки, готы, норманны, – даже утратив язык, сохраняли свои имена) и их способности сохранять свидетельства более древнего состояния языка. Можно полагать, что в данных древнегерманских композитах могли сохраниться корни, архаизовавшиеся в качестве свободных единиц. Кроме того, практически все элементы, с которыми *-lac* образует композиты, рассматриваются как общегерманские (хотя последнее обстоятельство может быть результатом народно-этимологического искажения).

С другой стороны, и заимствование антропонимов – достаточно распространенное явление, когда имеет место процесс, который В.Н. Топоров охарактеризовал как движение навстречу друг другу двух больших этноязыковых и культурно-исторических областей в «ситуациях, сложного диалога встретившихся друг с другом культур» [6].

Гуннские имена готов, кельтизмы в гуннском именовании, сопоставления древ-

нерусских наименований с иранскими, кельтская и германская основа славянских имен, соотношение балтийского и славянского в именовании – актуальные вопросы исторической лингвистики. «Ожесточенная» борьба за имена, доставшаяся нам от отношений этносов в начале новой эры, связана, в первую очередь, с попытками распутать эти завязанные историей узлы лингвистической аргументацией, т.к. «имена, очевидно, свидетельствуют о реальных контактах племен и народов, а выяснение их конечных истоков дает значительный материал для изучения традиции если не этнического, то культурного влияния» [7, 599-600].

О миграциях антропонимов как общеизвестном факте писал еще Иордан: «Все знают и обращали внимание, насколько в обычае у племен перенимать по большей части имена: у римлян – македонские, у греков – римские, у сарматов – германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские» [8, 77]. Данное положение историка VI в., сына человека по имени Алановиамут (*Alanoviiamuth*), хорошо иллюстрируется на его собственном примере. Неясность его «гото-аланской» этнической принадлежности усугубляется происхождением его личного имени. Самое очевидное истолкование *Jordanes* из семитского *ʔʔʔ* не противоречит сделанному им самим наблюдению об «обычаях племен» перенимать имена. Либо, «чтобы кто-либо не сказал, что имя это вовсе чуждо готскому языку», *Jordanes / Jordanis / Jornandes* могло быть сложением германских корней **jor-* и **dan-*. В таком случае, фонетическое сходство данного имени с семитским антропонимом – результат случайного совпадения.

Возвращаясь еще раз к словам Иордана, верифицируемым его эрудицией средневекового историка и его личным опытом, обращаем внимание, что автор говорит о сармато-германском антропонимическом взаимовлиянии. Он же в географической части своего трактата указывает, что «Скифия погранична с землей Германии вплоть до того места, где рождается река Истр и простирается Мурсианское озеро» [8].

Факт проживания на сопредельных территориях ираноязычных скифо-сармато-аланов и германоязычных племен в позднюю античность не оспаривается ни одной научной дисциплиной. Их географическое соседство обусловило многоэтапность и многообразие контактов, которое правомерно проследить в том числе и на антропонимическом материале.

Обычно поиск этимонов для *-lac* как составного элемента композитного антропонима ведется в пределах тевтонского вокабуляра. Подбор возможных этимонов определяется принципом фонетического подобия, однако в ряде случаев искусственность интерпретации композитного антропонима оставляет вопрос о правильности реконструкции открытым.

В списке традиционно приводимых этимонов германские корни:

- *lāc- / lēk-* 'игра, развлечение, соревнование, состязание, музыка' или 'битва',
- **lauc, loug* 'огонь',
- **liugan* 'вступить в брак',
- *likn-* 'доброта, милость, утешение',
- *lake* 'озеро'.

Отмечены и случаи народной этимологии. Так, репутация Хигелака, короля геатов, известного по поэме «Беовульф» исторического деятеля, незаслуженно пострадала из-за неправильной этимологии. Лежащее на поверхности фонетическое сходство постпозитивного элемента *-lāc* имени *Hygelāc* (др. норв. *Hugleikr*; протогерм. **Hugilaikaz*; латинск. *Chlochilaicus*) с *-lack* 'лишенный чего-л.' способствовало народно-этимологическому переосмыслению его имени, которое стало восприниматься как сложение значений **hugu-* 'мысль, дух, ум' и *-lack* 'лишенный' и переводиться как «Бездумный» – «Reckless», «Imprudent» (цит. по: [9, 173, сн. 4]).

Интересно, что в таком случае имена короля и его жены образуют оппозицию *Hygelac – Hygd*, 'Thoughtless' – 'Thought' [10], компоненты которой противопоставлены по признаку наличия ума, мысли.

Обычно *-lac* в составе д.а. композитов не возводится к *lack*, этот элемент чаще этимологизируется как восходящий к д.а.

lāc / lēk 'game, joke, amusement, exercise, sport, dance, quarrel, magic, music' или 'fight', представленному также и в готском *laik-s* и древненорвежском *leikr* [11]. Возможно, все его значения рассматриваются в комплексе, т.к. трудно выделить более предпочтительное из приводимых значений. На наш взгляд, излишне метафоричным представляется такое имя вождя, как *Ума игра, *Ума шутка и т.д., среди менее предпочтительных интерпретаций – *Ума танец, *Ума музыка.

Допущение о том, что в образовании древнегерманских имен принимали участие не только общегерманские корни, впоследствии подвергшиеся архаизации, но и общеиндоевропейские корни, которые тоже со временем могли выйти из употребления, позволяет считать имя верховного геата результатом сложения **hugu-* 'мысль, дух, ум' и *-lac* 'мужчина, воин, народ'. Это дает возможность получить семантическую сумму *Ума воин, *Умный мужчина, *Ум народа для, на наш взгляд, более «правильного» и типологически обусловленного имени славного конунга.

Нетипично для имяпроизводства и само предцирование ментальных способностей, и более «правильным» является поиск всего связанного с войной. Для древних тевтонцев *nomina propria* были выразителями заключенных в них идей и понятий, а ничего более главного, чем «воин» для германского социума еще не выявлено. Жизнь, и, в не меньшей степени, смерть героя должны были служить реализацией прагматического потенциала его имени. В группу, где есть прямая номинация «война», следует отнести, по меньшей мере, восемь антропонимов с рассматриваемым экспонентом.

Звуковой комплекс *-lac* в имени *Guthlac-* интерпретируется как 'gift' ('дар'), а имя собственное как 'battle-gift', сопоставимое с латинским *bellimunus* gift of battle (битвы дар) [12]. Возможно, эта красивая метафора призвана объяснить-символизировать смену историческим *Гутлаком* рода деятельности. Известно, что в 24 года успешный и удачливый воин стал отшель-

ником, прославившимся своей святостью. Представляется вероятным, что он мог получить новое имя (прозвище) и стать *Гумлаком*, посвятив себя служению богу. Если исходить из более обычной практики наречения именем при рождении, то программа, задаваемая именем **battle-lag* – **battle-man* *Битвы воин / человек, вписывается в систему германской аксиологии.

Таким же образом – **battle-lag* – **battle-man* *Битвы воин / муж – интерпретируется нами и имя одного из самых знаменитых исландских скальдов XI в., героя родовой «Саги о Гуннлауге». Имя Гуннлауг Змеинового Языка Иллугасона (*Gunnlaug Ormstunga Illugason*) имеет несколько отличный фонетический вариант постпозитивного элемента: – *laugr* / –*lōgh* / –*laugur*. Существуют альтернативные этимологии элемента –*laug*; не ясно: возможно, от древнегерманского *lauc*, *loug* – ‘огонь’ либо от корня, родственного готскому **liugan* – ‘вступать в брак’. Препозитивный элемент имени возводится к *gunnr* – ‘бой, битва’. На наш взгляд, высокий стилистический потенциал суммы *Битвы огонь скорее можно интерпретировать в терминах кеннингов, каких сам скальд наверняка знал немало.

Интересно описание того, как Гуннлауг просил у короля Этельреда разрешения покинуть двор: «Я должен погостить у трех принцев и двух эрлов, так как дал им, владеющим землями, обет. Я не вернусь, пока даритель золота не призовет меня. Пожалуй же служителю богини острия копья алое ложе драконов [золото], чтобы он украсил им свои рукава» [13]. Случайно ли упоминание в данном контексте драконов, являвшихся приметой сарматской военной культуры? А в контексте про «богиню острия копья» уместно привести и другое имя с рассматриваемым экспонентом – *Oddlaug*, образованное от древнескандинавского *oddr* – ‘вершина, острие (копья)’ + *-laug*, в нашей интерпретации – *Служитель / воин острия копья.

Подобный подход возможен и при анализе готского *Gesa-lecus*, от герм. **Gai-za-laikaz*, (*Geir-leikr*, *Geirlaug*, *Gerlōgh*, у Э. Фергюсона приводятся также формы

Gerlac, английское *Garlick*), также содержащего название оружия, т.к. первый элемент возводится к древнескандинавскому *geirr* – ‘копье’, корню, который превосходит остальные виды оружия, в частности, меч, и обладает самым большим ономаσιологическим потенциалом [14, 202]. Существующий перевод *Копьем играющий подвергается в нашей редакции некоторой трансформации – *Копья служитель / воин.

Некоторые препозитивные элементы, подобно *geirr* (*herr* ‘войско’, *sigr* ‘победа’) имеют практически неограниченную валентность. Антропонимы с их участием могут быть непротиворечиво интерпретированы и в рамках традиционного (*Siglaug* *Победы огонь; *Herlaugr* *Войска огонь) и предлагаемого нами подхода (*Siglaug* *Победы воин / служитель; *Herlaugr* *Войска служитель / воин).

В данной группе антропонимов менее предпочтительна ретроспекция через германские этимоны, на наш взгляд, для *Ketil-laug* / *Ketilōgh* / *Kættilōgh*, где препозитивное *ketill* – ‘шлем’, а также для имени *Gislaug* / *Gislōgh*, где *gisl* – возводится к древнескандинавскому ‘залог, заложник’. По нашему мнению, оно образовано по модели, сходной с именем **Kaupr-mannz* – *Покупки человек’.

Интерпретацию экспонента –*lac* данных имен через любой из предполагаемых германских этимонов отличает искусственность или некоторая алогичность, несвойственная другим антропонимическим композитам. Возможно, в том числе и из-за данных примеров, этимологии которых не решаются на германском материале, поднимается вопрос о непереводаемости некоторых германских антропонимов. В германистике доминирует точка зрения о принципиальной переводимости имен собственных ввиду их семантической прозрачности (E. Förstemann, Beneken, Turner, Wiarda, Kemble). Невыводимость суммарного значения некоторых имен может быть вызвана рядом экстралингвистических и лингвистических факторов. В частности, по мнению Э. Фергюсона, это может быть результатом того, что нанизываются не

нарицательные слова, а имена собственные, подвергшиеся десемантизации [5, 36]. Данное положение может быть приложимо к продуктивным корням, например, к древнескандинавскому *steinn*- 'камень'. Но большинство композитных антропонимов с участием *steinn*- не представляет проблем для дешифровки их семантики, которые возникают в случае сочетания с рассматриваемым экспонентом: *Steinlaug*. Если расширить список предполагаемых этимонов и включить в него корень **loca-*, то имя может быть рассмотрено как *Камень-мужчина / воин. Также не исключается применение подобной ретроспекции в случаях, где экспонент сочетается с малопродуктивными или непродуктивными корнями *Skírlaug*, *Weiha-laugō* *Святой мужчина / воин. Если в имени *Snælaug* / *Snjólaug* / *Sniólaug* первый элемент правильно возводится к древнескандинавскому *snær*, *snjór* 'снег', то можно считать данный антропоним гибридным образованием – *Снега / снежный мужчина. Имя *Styrlaug*, *Styrlaugr*, *Stýrlaugr*, *Styrløgh* *Sturlaugur*, если рассматривать его как гибридное от германского *styr* 'шум, буйство' и иранского **loca-*, переводится нами как *Шумный, буйный человек. Есть также основания считать его состоящим из иранских корней, и препозитивное *styr-* возводить к *stūra-* 'большой, огромный, тучный'. А. Брендел считал древневерхненемецкое *stūri-* и финское *suuri* < **sturi-* «старым заимствованием из скифского» [14, 159]. При такой ретроспекции значение *Styrlaug* может быть переведено как *Большой человек.

Аналогичным образом рассматривается ряд теофорных имен с экспонентом *-lac*: *Bórlaug*, *Thorløgh* от древнесканд. *Bórr* *Тора воин; *Freylaug* *Фрейра воин / мужчина, *Ingilaug* *Инга воин (*Ing* – одно из имен Фрейра). В данной группе интерес вызывает имя собственное *Óslác*, родственное древнорвежскому *Ásleikr* / *Áslákr*, д.в.н. *Ansleh* (*Anslech*, *Ansleccus*), которое в норвежском ономастиконе сохранилось в форме *Aslak*, в английском в качестве фамильных имен *Oslac*, *Aslock*,

Ashlock, *Hasluck*.

Данное имя зафиксировано в рунической надписи на рукоятке меча конца XI в., но первые известные истории англосаксонские носители имени упоминаются с начала VII в. Препозитивный элемент традиционно этимологизируется от древнесканд. *áss-* / *ós-* 'ас, верховное божество', тогда как второй *-lác* 'play, sport; offering, sacrifice', суммарное значение композитного антропонима выводится как 'богу жертва'. Как нам представляется, такая интерпретация – это попытка усмотреть религиозно-ритуальную подоплеку имени [15, 8; 16, 342], т.е. имя может восходить к очень ранней стадии развития германских языков, которая исторически может совпадать с периодом, когда практики жертвоприношений в германском обществе не были изжиты.

Но древность имени может быть и аргументом в пользу нашей точки зрения и указывать на корень, который мог быть еще активным в данную эпоху и со временем десемантизироваться.

(Если пересматривать только постпрепозитивный элемент имени *Óslác*, то возведение его к корню со значением 'человек, мужчина' дает антропонимическую сумму *Бога / Божий человек. На наш взгляд, можно предлагать альтернативную этимологию и для препозитивного *as* / *os*, рассматривая его как рефлекс *as* / *ac-*, этнонима исторических ассов, известного наряду с сарматами, аланами. В таком случае в имени собственном *Óslác*, *Асс(кий) человек, может содержаться указание на этническую принадлежность его носителя, что являлось достаточно обычной антропонимической практикой: **Huna-gaizas* *Гунна копьё, **Gauta-redas* *Гаутов совет, **Dani-heldjo* *Данов битва.)

Допущение об употреблении индоиранского корня в антропонимах с зоонимами позволяет считать подобные образования координативными композитами: *Орел-мужчина / воин (*Arnlaugr*), *Медведь-мужчина / воин (*Bjarnlaugr*).

В Domesday Book есть упоминание о Виглаке: *Wiglac* son of Siward. Картографирование имени определяет ареал

его распространения в до-норманнский период на территории Данелаг, а имя *Winelac*, в нашей трактовке *Friend of people, – в Нортумбрии и Дурхэме [17].

Помимо семантического аргумента в пользу нашего подхода к реконструкции является наблюдение о том, что в «детерминативных композитах замечается и еще одна особенность: в качестве вторых членов выступали, как правило, одушевленные существительные» [18]. Менее многочисленные и обладающие большей валентностью вторые компоненты выступают как носители семантики имен собственных, образуют ядро ономастических композитов, в то время как первые компоненты играют роль модификаторов вторых членов.

Валентность *-lac* в качестве второго компонента – 24, кроме того, отмечено несколько случаев его употребления в качестве первого компонента композитного антропонима. На наш взгляд, применяемый нами подход возможен и в случае, когда элемент употреблен препозитивно: **Laikaweniz* *Воина друг, мужчины друг вместо *Игры друг.

Допускаем, что не во всех случаях употребления экспонента *lac-* в качестве элемента двучленных композитов в составе антропонима на стадии, когда имя было значимым в буквальном и переносном смысле, его можно интерпретировать одинаково, т.к. он может быть различной этиологии. Очевидна необходимость дифференцированного подхода к данным примерам с учетом структурных и семантических закономерностей германского имясоставления. Совпадение материальной части может быть результатом мнимого

тождества между рассматриваемыми экспонентами, как, например, в имени *Útlagi* от древнесканд. *útlagi-* *Человек, объявленный вне закона [19]. Желание «примерить» на **Lagu-manus* (*Закона человек) нашу ретроспекцию сдерживается не только надежностью существующей этимологии, но и возникающим в таком случае противоречием общей закономерности имясоставления, т.к. имя являлось бы тавтологическим-плеонастическим композитом из корней с высокой степенью семантической близости: *Lagu-* ‘мужчина’, – *manus* ‘человек, мужчина’.

Однако ретроспекция через индо-иранский корень примиряет некоторые спорные моменты, объясняет отдельные случаи, сводимые при таком подходе в одно этимологическое гнездо.

Исследование корпуса германских имен предпринято с тем, чтобы определить «ономастические следы иранцев», как назвал сармато-аланское влияние на антропонимы М. Фасмер при исследовании славянского ономастикона. Элемент *lac-* может быть индикатором сармато-аланского происхождения имени. В пользу этого – литературно-мифологическая принадлежность некоторых персонажей, а также территориальная локализация имен в восточногерманской и северогерманской частях германского ареала. С другой стороны, это может быть рефлексом общего и.е. корня **loca-*, активного в качестве словообразовательного форманта, утратившего со временем свою продуктивность в качестве ономастического элемента и активность в свободном словоупотреблении.

1. Gardiner A. H. The Theory of Proper Names. London, 1910.
2. Лотман Ю. М. Избранные статьи: В трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992.
3. Гутиева Э. Т. О возможных этимонах осетинской лексемы *лæг* / *læg* // Всероссийские Миллеровские чтения. Владикавказ, 2016. № 5. С. 487-493.
4. Turner R. A Comparative Dictionary of Indo-Aryan languages. London, 1962-1966.
5. Ferguson E. The Teutonic Name-System Applied to the Family Names of France, England and Germany. Edinburgh, 1864.
6. Топоров В. Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен // Исследования по этимологии и семантике. Т. 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. М., 2006.
7. Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы). Приложение к кн.: Геденов С. А. Варяги и Русь. В 2-х частях. 2-е изд. М., 2004. С. 576-620.
8. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
9. Gale R. Owen-Crocker. The Four Funerals in Beowulf and the Structure of the Poem. Manchester and New York: Manchester University Press, 2000.
10. Kaske R. E. «Hygelac» and «Hygd» in Studies in Old English Literature in Honor of Arthur G. Brodeur. Ed. by Stanley B. Greenfield ([Eugene]: University of Oregon Books), 1963. Pp. 200-206.
11. Clarke C. Writing Power in Anglo-Saxon England: Texts, Hierarchies, Economies. Cambridge, 2012.
12. Zacher S. Preaching the Converted: The Style and Rhetoric of the Vercelli Book Homilies. Toronto, 2009.
13. Барлоу Ф. Вильгельм I и нормандское завоевание Англии. СПб., 2007.
14. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. 3.
15. Koegel R. Geschichte der deutschen Litteratur bis zum Ausgange des Mittelalters. Strassburg, 1894.
16. Paul H. Deutsche Mythologie in gemeinverständlicher Darstellung. Leipzig, 1906.
17. Domesday Book [сайт]. URL: <http://opendomesday.org/name/574660/wiglac-son-of-siward/>
18. Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
19. Древнескандинавские имена: значение и происхождение [сайт]. URL: http://kuru-fin.ru/html/A_scandinavian/a_scandinavian_u.html